

УДК 130.2+930.1

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОВЕТСКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Б. Столяр, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и культурологии Черниговского
национального педагогического университета
имени Т. Г. Шевченко

Осуществлен философско-антропологический и культурологический анализ советской смеховой культуры с точки зрения крипторелигиозной концепции. Доказано, что в контексте этой методологии советская смеховая культура выступает как профанация профанации, то есть как десакрализация идеологии, которая сформировалась на основе заимствованных нуминозных смыслов. Проанализированы основные парадигмы советской смеховой культуры, которые сформировались в результате двойной профанации. Уточнено содержание титанической и десакрализованной христианской парадигм смеховой культуры на примере таких форм смеха как розыгрыш, кинокомедия, цирк, философская ирония.

Ключевые слова: советская смеховая культура, крипто-религиозная методология, профанация профанации, иерофания, сакральное, титанизм, розыгрыш, кинокомедия, философская ирония.

Актуальность проблемы. Исследование советского смеха является важным этапом рефлексии прошлого, дающего возможность, с одной стороны, понять конкретные механизмы реализации человеческой свободы, а с другой — осмыслить масштаб компенсаторного действия культуры и, соответственно, ее огромного значения в авторитарных и тоталитарных обществах.

Анализ исследований и публикаций показывает, что сегодня советская смеховая культура является предметом дискуссий философов, культурологов и искусствоведов, как на постсоветском культурном пространстве, так и за его пределами. Можно назвать некоторые центры изучения советской смеховой культуры: Cambridge, Pittsburg, Princeton, Texas, Одесса, Санкт-Петербург, Харьков, Челябинск и др. Начиная с 80-х гг. XX ст. наибольшей популярностью пользовался советский политический анекдот, и этот интерес еще не вполне исчерпан. Речь идет о работах таких исследователей, как А. Баканурский, Н. Бардина, Ю. Борев, М. Воробьева, S. Graham, З. Долгополова, Е. Draitser, Т. Зиновьева, Н. Иванова-Георгиевская, М. Каган, О. Капустина, О. Краснухина, В. Левченко, И. Манкевич, S. Oushakine, Л. Столович, С. Троицкий, А. Фокин, В. Химик, В. Шевченко и др. Понятно, что список авторов в данном случае весьма ограничен, учитывая то количество сборников, конференций и круглых столов, которое было посвящено

феномену анекдота [например, см.: 10, 24, 29, 32, 35]. В настоящее время речь идет об особенностях смеха конкретных советских авторов, о жанрах и видах комического в пределах отдельных произведений (О. Бессмертная, Ю. Боров, А. Бушев, R. Charple, Е. Добренко, И. Домбровская, М. Загидулина, М. Lesley, Н. Масленкова, Е. Меньшикова, S. Oushakine, Е. Pog, И. Роготнев, Г. Рябова, А. Сальникова, Н. Скрадоль, Е. Смыкова, А. Шипицина, Т. Чистова, и др.); о специфике форм советской смеховой культуры – цирка, кинокомедии, политической карикатуры, розыгрыша, частушки, басни, пародии и т.п. (И. Нарский, Г. Рябова, М. Столяр, А. Фокин, А. Цинк и др.); анализируются смеховые практики различных социальных и культурных групп (слоев) и отдельных личностей (D. Brandenberger, М. Жиркова, Е. Кобышева, И. Нарский, В. Неужин, В. Токарев, С. Троицкий, Н. Чернова и др.). Интересные исследования посвящены раскрытию особенностей национального смеха (Л. Карасев, А. Регамэ, А. Михайлюк, Н. Козырева и др.) Но как справедливо отмечается в редакторской статье сборника «Инструментализация смеха в российской истории XX века», «несмотря на наличие концептуальной базы для изучения смеха, его аналитическое рассмотрение» применительно к отечественной истории XX века «делает лишь первые шаги» [8].

Интересные результаты по отношению к советской смеховой культуре дают подходы А. Бергсона, противопоставляющего смех косности [См.: 3]; Л. Карасева, исходящего из антитезы смеха и стыда [См.: 9]; А. Гуревича, указывающего на неразрывную связь смеха и страха в смеховой культуре [См.: 27]. Опираясь на результаты фундаментального исследования западной теологии смеха харьковским философом А. Голозубовым [См.: 5], можно утверждать, что в соответствующей литературе последнее время стали достаточно распространенными поиски скрытых смеховых смыслов в Библейской истории. В контексте этого движения мысли, как нам кажется, актуальным является встречная эксплорация: изучение религиозных смыслов нерелигиозной, на первый взгляд, советской смеховой культуры. В данном случае мы хотим продемонстрировать те аналитические возможности, которые открывает исследователю советской смеховой культуры оптика криптирелигиозной парадигмы (Н. Берляев, С. Булгаков, А. Лосев, М. Элиаде, М. Эпштейн и др.).

Целью статьи является выявление *единой специфики* советских смеховых практик, образующих внутренне разнообразную культуру конкретного времени и определенного социального пространства. В этой связи мы формулируем следующие **задания**: 1) определить специфику советской идеологии; 2) выяснить характер отношений идеологии и смеховой культуры в плоскости категорий «сакральное» и «профанное»; 3) вычленить основные парадигмы смеховой культуры.

Как нам представляется, понять особенности советского смеха достаточно сложно, оставаясь в пределах данного феномена, распадающегося на разнообразные проявления смешного. Даже максимальное обобщение дает, как минимум, два варианта: «смех о» (радостное и демонстративное выражение «коммунистической сознательности») и «смех над» (разной степени критический смех – от критики отдельных человеческих недостатков как социально характерных до выявления несостоятельности всей общественной системы) [См.: 18, с. 108]. Между тем, все эти разнообразные «смехи» существовали в одном и том же культурном пространстве. И в нем, несомненно, доминировала идеология. Фактор такого доминирования, независимо от того, как его воспринимал конкретный автор, не мог не оказать влияние на соответствующие тексты, контексты и подтексты. И если это влияние находит отпечаток в структуре смеховой культуры, если оно проявляется в смысловой наполненности смеха, то в отношениях смеховой культуры и идеологии, очевидно, и следует искать особенности интересующего нас предмета.

Начнем со специфики советской идеологии. Хорошо известно, что в советское время идеология была принципиально атеистической. Однако, как правило, забывают о том, что потуги марксизма-ленинизма полностью и окончательно уничтожить религию были выражением стремления стать (ни много ни мало) новой *мировой* религией. По сути, политическая власть всегда стремится легитимироваться за счет сакральной сферы, но это был новый вариант потестарной сакрализации. При этом соответствующий статус идеологии характеризовал не только ее положение в обществе, но и содержание этой идеологии, основанное на множественных заимствованиях нуминозных смыслов из различных религиозных парадигм.

Понятно, что представители рассматриваемой идеологии в разной степени способны были такое стремление сделать предметом рефлексии. Те, которые понимали сакральные составляющие идеологической картины своего «мира» и предлагали их системно реифицировать, оказались в меньшинстве и потерпели поражение от не рефлектирующих пассионариев во главе с В. Ульяновым. Но идеологические прагматики «намотали на ус» религиозные чаяния народа, которые выразили М. Горький и А. Луначарский. Не солидаризуясь с последними открыто, они (то есть прагматики) создали мощный, централизованный культ, опирающийся на догматизированное и катехизированное учение. Пирамидальная структура данного культа включала верховного сакрального правителя, статус которого граничил с божественным (он *все* видит, *все* знает и обо *всех* заботится). Также сюда входили единственные псевдо-мощи «вечно живого» вождя, единый на всю страну псевдо-колокольный звон (кремлевские куранты), «вселенские» события и дни, включившие отдельные иерофании христианских и иудейских праздников, сакрализованные топосы и т.п. [См.: 17, с. 125–157].

В качестве квази-религиозных советские идеологические практики рассматривают Н. Бердяев, М. Вайскопф, А. Игнатов, В. Лекторский, Ж. Маритен, Э. Соловьев, П. Тиллих, А. Тойнби, Б. Рассел, М. Элиаде, М. Епштейн, Н. Хренов, Ю. Шеррер и др. Даже К. Поппер, который предупреждает относительно неуместности попыток иррациональной интерпретации Маркса, пишет, что в марксизме религиозный элемент является очевидным [См.: 14, с. 212].

Если говорить о динамике взаимоотношений идеологии и смеховой культуры в контексте крипторелигиозной парадигмы, то следует прибегнуть к понятиям сакрального и профанного. В данном случае мы выбираем феноменологическое понимание этих понятий, для которого характерна аналитика выявления сакрального на профаном уровне. В частности, мы будем использовать понятие «иерофания», предложенное М. Элиаде для обозначения присутствия священного в обыденном, трансцендентного в имманентном [20, с. 8]. Особенно эффективным использование понятия «иерофания» является в ситуациях поиска соответствий между различными культурными практиками и различий в пределах близких форм смеха. Например, в рецепции автора этой работы выявление иерофании чуда дает возможность понять сходство и принципиальное отличие кинокартин Л. Гайдая и фильмов Э. Рязанова. Сближает этих художников любовь к удивительному, чудесному. Но у Л. Гайдая функцию чуда выполняет *трюк*, а у Э. Рязанова чудом является *промыслительная встреча*, предназначенных друг другу героев («*О, кто-нибудь, приди, нарушь чужих людей соединенность и разобщенность близких душ!*»), *преображение* («С легким паром!», «Служебный роман») и даже *воскрешение человека любовью* («Забятая мелодия...»).

Но вернемся к вопросу о заимствованных идеологией сакральных смыслах. Характер этих заимствований говорит о том, что мы имеем дело не с цитатами, а с искаженными идеями и карикатурными образами, то есть с профанациями. В случае использования христианских смыслов (мессианизма, учения о тысячелетнем Царстве, псевдо-аскетических практик, сакрализованного хронотопа и др.) эти искажения очевидны. Например, если в церковном учении тысячелетнее царство Христа — это время существования христовой церкви, то в советском хилиастическом (профанном) варианте предполагается тысячелетнее Царство Божье на земле, дехристианизированной разновидностью которого выступает коммунизм. Сложнее обстоит дело с заимствованиями, совершенными коммунистической идеологией из более близких к ней по смыслу источников, например, из религиозной традиции титанизма. С одной стороны, идея человекобожия не только принималась советской пропагандой как идеологический догмат, но и занимала в ней одно из ведущих мест. Но с другой — та же идея грубо попиралась властными практиками уже на стадии малейшего «шевеления»

человеческого достоинства. Если на уровне идеологической риторики «Человек – это звучит гордо!», то в реальной жизни именно люди, имеющие не то чтобы гордость, но просто совесть чаще всего становились предметом разного рода репрессивных акций.

Запоминающийся пример профанации титанической риторики в пределах советских властечетричных практик 30-х гг. предлагает А. Солженицын: «Идет... районная партийная конференция... В конце конференции принимается обращение преданности товарищу Сталину. ...в маленьком зале хлещут «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Три минуты, четыре минуты, пять минут они все еще бурные и все еще переходят в овацию. Но уже болят ладони... Но уже задыхаются пожилые люди. Но уже становится нестерпимо глупо даже для тех, кто искренне обожает Сталина... Они погибли! ... директор бумажной фабрики на одиннадцатой минуте принимает деловой вид и опускается на свое место в президиуме. И – о, чудо! – куда девался всеобщий ... неопиcуемый энтузиазм? Все разом на том же хлопке ... садятся. ...Однако вот так-то и узнают независимых людей. Вот так-то их и изымают. В ту же ночь директор фабрики арестован.

Вот это и есть отбор по Дарвину», – пишет в заключение автор [16, с. 78].

Итак, идеология совершает профанацию заимствованных нуминозных смыслов либо на уровне догмата, либо в форме социальных практик. Следовательно, на долю смеховой культуры остается *профанация уже совершённой профанации*. (В данном случае мы используем *пост-структуралистскую* аллюзию на гегелевское «отрицание отрицания»). Иными словами специфику советского смеха мы видим в том, что *это была профанация уже совершённой идеологией профанации сакральных смыслов*.

Что дает нам эта формула – «профанация профанации»? Среди прочего она создает оптику видения различных *парадигм советской смеховой культуры*, поскольку в результате двойного отрицания сакральных смыслов сначала идеологией, а потом смеховой культурой последняя нередко возвращается к исходным. (И это «возвращение» иногда происходит даже помимо воли автора, многие из которых сознательно не были людьми религиозными, как это можно было бы сказать о А. Лосеве или Е. Шварце). При этом можно выделить, по меньшей мере, три основных смеховых парадигмы. Назовем эти парадигмы десакрализованной христианской, титанической и «бытовым антропоцентризмом».

Данные традиции, прежде всего, отличаются с точки зрения решения основных этических вопросов: сущности человеческого бытия, проблемы добра и зла, понятия любви, смысла жизни. При этом в произведениях, которые можно отнести к десакрализованной христианской парадигме, прочитываются христианские смыслы и приоритеты, а основное содержание смеховых артефактов в данном случае существует на уровнях контекста

и подтекста. Титаническая же традиция использует *прямую* критику христианских идей и образов. И это тоже понятно, исходя из самого способа существования титанизма как антитезы христианской религии. В данном контексте нужно уточнить, что не антропоцентризм противостоит христоцентризму, а именно титанизм. В христоцентризме по сути снимается противоположность предельных форм антропоцентризма и теоцентризма: Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом. Интенцию, противоположную христианской, выражают практики самовозвышения человеческой личности. Что же касается «бытового антропоцентризма», на основе которого, в частности, существовал анекдот, то профанируя титаническую парадигму, он не выходит на уровень сакральных смыслов. Получается такая ситуация: титаническая парадигма профанирует христианскую. Бытовой антропоцентризм, в свою очередь, десакрализует титанизм, освобождая место сакрального, но, не занимая его. В итоге: аллюзии христианских смыслов восстанавливаются в своем сакральном статусе. Но это происходит лишь на уровне подтекста, то есть текста, рассчитанного на «имеющих уши».

Особой виртуозности с точки зрения актуализации христианского содержания достигает в своей иронии А. Ф. Лосев. Внешне он вроде бы соглашается с наложенным на его творчество запретом заниматься философией, но, по сути, не только отвергает наложенное ограничение, но и идет еще глубже — занимается христианским богословием. При этом он совершенно честно, ссылаясь на понимание *иронии* Платоном, объясняет то, что он делает: «Это — какая-то насмешка или издевательство, содержащее в себе весьма... обдуманную мысль, имеющее наиболее самоуниженный вид, — *ради высших объективных целей*» (выделено нами — М.С.) [12, с. 330]. То же можно сказать и о религиозной сатире Е. Шварца, который с помощью сказки раскрывает духовную основу и динамику зла. Эту основу Шварц видит отнюдь не в социальных или экономических условиях жизни, что само по себе было в его годы ужасной крамолрой. Основной «фронт» борьбы добра и зла в его сказках разворачивается в человеческом сердце. И это борьба за бессмертную душу человека. Христианскую смысловую основу имеют в романе В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» аллюзии смирения, прощения и преображения. А вместо советской оценки «смеха-над» как явления, позволяющего, якобы, искоренять человеческие недостатки, мы обнаруживаем скорее негативное отношение к такому смеху.

Что же касается титанической парадигмы в пределах советской смеховой культуры, то она компенсировала маргинальный характер антропоцентрических практик в противовес реальным практикам сакрализации власти. Для примера можно вспомнить советский цирк — явление мирового и транс исторического масштаба, но как нельзя лучше соответствующего

вере советского человека в бесконечные возможности овладения природой – собственной и внешней. Не случайно сакральным фокусом истории считалась арена («пролетариат вышел на арену истории»); здания цирка напоминали храмы; марш из фильма «Цирк» одно время хотели сделать гимном, а в сказке Ю. Олеши «Три толстяка» именно циркачи являются самыми активными революционерами, свергнувшими власть «толстяков». К цирку примыкает эксцентрическая кинокомедия Л. Гайдая с характерными для него трюками, блестящими шутовскими образами, сценками с дрессированными животными и профанациями религиозности.

В пределах антропоцентрической парадигмы существовал розыгрыш. Эта смеховая форма расцветает во время хрущевской оттепели, знаменуя собой регулярные смеховые практики превращения ужасного *Нечто* в безопасное *ничто* рыцарем в шутовской маске. То, что розыгрыш был не просто популярной, но и одной из ведущих форм советской смеховой культуры 60-70 х гг. мы можем объяснить следующим образом. Для сталинского времени весьма характерной была неожиданная и быстрая смена обычного, бытового, незначимого на катастрофическое. Даже если такая смена и не происходила в жизни конкретного человека, то она постоянно напоминала о себе и реальными ситуациями Других и виртуальными ужасами. От негативного опыта Другого отмахивались как от дурного помысла *верой* в справедливость советского общественного строя. При этом Другой превращался во врага дабы внутренняя борьба человека со своей совестью обрела союзника против последней. С виртуальными же страхами жили постоянно.

«Феноменологически очищенную» логику резкой смены ничтожного на Ужасное мы можем увидеть в следующем анекдоте: «Идет партконференция. В президиуме сидит Сталин. Кто-то в зале чихнул. Сталин спрашивает, кто чихнул. Все молчат. Тогда он приказывает: «Первый ряд расстрелять». Потом спрашивает опять, кто чихнул. Все молчат. Следует приказ расстрелять второй ряд. После третьего вопроса чихнувший, наконец, признается: «Это я чихнул». «Будьте здоровы!» – приветливо кивает ему Сталин и конференция продолжается». В этом анекдоте есть два ключевых слова: «чихнул» и «расстрелять». Именно они выражают характерный для тоталитарных практик контраст обычного, с одной стороны, и ужасного – с другой. По сути *практики резкого перехода от первого к последнему были анти-розыгрышами, инверсией смеховой фигуры, в пределах которой все происходит с точностью наоборот*. То есть в розыгрыше на место жуткого перепуга приходит осознание ничтожности страшного как такового, и выражением этой маленькой победы над злом звучит веселый смех.

Исследуя взаимодействие смеховой культуры и идеологии в условиях «ведущей роли» сакрализованной идеологической риторики, мы опираемся на выделенную М. Бахтиным основную коннотацию понятия «смеховая

культура»: речь идет об оппозиции смеховых практик по отношению к господствующей идеологии [2, с. 8]. Также мы принимаем во внимание и замечание А. Аверинцева о том, что смеховую культуру необходимо исследовать не только с точки зрения ее оппозиционного содержания, но и памятуя о стремлении идеологии приручить смех, интегрировать его в свою собственную систему, [См.: 1, с. 472]. В этом контексте существовало и встречное движение смеховой культуры по направлению к господствующей идеологии. Данная устремленность имела множество причин, включая элементарные соображения безопасности. Однако в любом случае сама форма бытия смеховой культуры в условиях жесткого идеологического контроля предполагала некоторое «балансирование на грани» запрета (то есть культурного небытия) и идеологически патронированной зоны. Последняя давала социальные предпочтения и гарантии, но ограничивала смех средствами цензуры. Кроме того она «заражала» артефакты теми идеологическими смыслами, которые оказывались в теле культуры «вирусами старения».

В этой связи абсолютизация возможного противопоставления советской и антисоветской культуры, идеологического и бытового смеха [См.: 6] представляется не совсем продуманной. Такой подход, как нам кажется, не отвечает *современным* философским дискурсам. Если для поляризующего постсоветского идеологического сознания («свои — враги») подобное видение выглядит убедительным, то теоретически непредубежденное изучение текста и подтекста произведения, обстоятельства написания, мировоззрение автора, обстоятельства его жизни и т.п. способствуют *размыванию четких границ*. Без оппозиции (пусть кажущейся или фрагментарной), без профанации господствующей идеологии (хотя бы на уровне намека) артефакт культуры не мог претендовать на смеховую реакцию (за исключением, конечно, ситуации физиологического хохота). И те произведения, которые не имели в себе хотя бы минимально выраженной оппозиции или не могли быть проинтерпретированы реципиентом как отрицание господствующей идеологии, просто не вызывали смех. Нам представляется, что корректно говорить *о разной степени* оппозиционности и конвенциональности конкретных артефактов смеховой культуры, но настаивать на том, что между идеологически выдержанной и оппозиционной смеховой культурой существует отношение абсолютной контрастности вряд ли уместно. Даже на примере некоторых частушек *не всегда* можно понять, есть в них хитрый подвох смеющегося народа или это заказная идеологическая песенка. А вспомним «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова — произведение, созданное по заказу к десятилетнему юбилею октябрьской революции с целью демонстрирования «победной поступи» советской власти и высмеивания троцкизма [13]. А блестящая и глубокая ирония А. Лосева под видом «материалистической диалектики»? А гротеск А. Платонова, (между прочим, убежденного в

позитивной ценности рождающегося нового языка)? А сатира М. Зошенко? О. Мандельштам, к примеру, писал, что Зошенко *искренне верил* широковещательным программам коммунистов, искал связь с «новой эпохой», надеялся своими рассказами помочь изжить проявления жестокости и дикости [См. 22]. По сути же произведения А. Платонова и М. Зошенко были блестящей формой профанации сакрализованного идеологического дискурса «власти народа», которая осуществлялась посредством смеховой аналитики вербальных практик «новых советских».

Выводы. Таким образом, мы считаем, что содержание взаимопереходов сакрального и профанного в советской культуре транспортируется (то есть обретает методологическую «прозрачность») в соответствии со спецификой предмета именно в пределах крипторелигиозной парадигмы, которая позволяет нам сделать вывод о советской смеховой культуре как профанации совершенной идеологией профанации конкретных религиозных смыслов. При этом происходит возвращение к исходным нуминозным идеям преимущественно двух парадигм – христианской и титанической.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху [Электронный ресурс] / С. С. Аверинцев – Режим доступа : <http://www.philology.ru/literature1/averintsev-93.htm>.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1990. – 543 с.
3. Бергсон А. Смех / А. Бергсон. – М.: Искусство, 1992. – 127 с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
5. Голозубов А. В. Теология смеха в постхристианском мире (к постановке проблемы) / А. В. Голозубов // Вестник Национального технического университета «Харьковский политехнический институт». Вып. 15. Филос. антропология и философия культуры. – Харьков, 2002. – С. 83–86.
6. Добренко Е. Сталинская культура: методологическое удушье [Электронный ресурс] / Е. Добренко – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/4046>
7. Игнатов А. Отрицание и имитация: две стороны коммунистического отношения к религии // Вопросы философии – № 4. – 2001. – С. 25-30.
8. Инструментализация смеха в российской истории XX века: Сб. статей // под ред. И. В. Нарского, О. С. Нагорной, О. Ю. Никоновой, Ю. Ю. Хмелевской, Г. Т. Риттершпорна. [Электронный ресурс] – Челябинск: Каменный пояс, 2013. – Режим доступа: <http://culthist.ru/index.php/publikatsii/ot-velikogo-do-smeshnogo>
9. Карасев Л. В. Философия смеха [Электронный ресурс] / Л. В. Карасев. – Режим доступа: <http://teologia.ru/www/biblioteka/esthetika/karasev.htm>
10. Корабльова В. М. Соціальні смисли ідеології в розвитку сучасного суспільства / В. М. Корабльова / Автореферат дисертації на здобуття

наукового ступеня докт. філос. наук : спец. 09.00.03 – соціальна філософія та філософія історії. – Київ, 2015. – 37 с.

11. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырков. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.

12. Лосев А. Ф. История эстетических категорий / А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. – М.: Искусство, 1965. – 374 с.

13. Одесский М. П. Легенда о великом комбинаторе [Электронный ресурс]: [предисловие к книге Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев»] / М. П. Одесский, Д. М. Фельдман. – Режим доступа: <http://lib.baikal.net/ILFPETROV/dwenadcatx.txt>

14. Поппер К. Відкрите суспільство та його вороги. – Т. 2. Спалах прощтва: Гегель, Маркс та послідовники. // К. Поппер. – Переклад з англ. О. Коваленка. – К.: Основи, 1994. – 444 с.

15. Пролеев С. В. Там, где смеха нет // С. В. Пролеев / Δόξα /ДОКСА. 36. наук. праць з філософії та філології. – Одеса, 2008. – Вип. 13. Сміх та серйозність: множинність видів та взаємин. – С. 27–32.

16. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918 – 1956. [В 3 кн.], Ч. I – II: опыт художественного исследования. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 552 с.

17. Столяр М. Б. Религия советской цивилизации / М. Б. Столяр – К.: Стилос, 2010. – 178 с.

18. Столяр М. Советская смеховая культура / М. Столяр. – К.: Стилос, 2011. – 304 с.

19. Теоретическое исследование смеха в России / *Studia culturae*. – Выпуск 12. Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Г. Козинцева, А. В. Малинова, А. Е. Рыбаса, С. А. Троицкого. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. – 240 с.

20. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во Моск. университета, 1994. – 144 с.

21. Эпштейн М. Эдипов комплекс советской цивилизации [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/1/

22. Языковые средства создания комического в речи рассказчика-героя Зошенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/literature/00059503_0.html

23. Brandenberger, David. «Introduction». In *Political Humor Under social research Stalin: An Anthology of Unofficial Jokes and Anecdotes*, edited by D. Brandenberger, 1–26. Bloomington, IN: Slavica, 2009.

24. Chapple, Richard L. *Soviet Satire of the Twenties*. Gainesville: University Press of Florida, 1980.

25. Draitser E. *Forbidden Laughter. Soviet Underground Jokes*. Kensington, 1980; *Russia Dies Laughing: Jokes from Soviet Russia* / Z. Dolgopolova (Ed.). Salem House Publishers, 1983; *История СССР в анекдотах, 1917–1991* / сост. М. Дубовский. – М., 1991; *Анекдот как феномен культуры: материалы*

«Круглого стола», Санкт-Петербург, 16 ноября 2002 г. – СПб., 2002; Adams B. *Tiny Revolutions in Russia: Twentieth Century Soviet and Russian History in Anecdotes and Jokes*. London, New-York : Rout-ledge, 2005; *Political Humor under Stalin: an Anthology of Unofficial Jokes and Anecdotes* / Brandenberger D. (Ed.). Bloomington, 2007; Lewis B., Hammer & Tickle. *The History of Communism Told Through Communist Jokes*, London, 2008.

26. Graham S. B. *A Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anecdote* / University of Texas, 1990 / [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://d-scholarship.pitt.edu/9560/1/grahamsethb_etd2003.pdf

27. Gurevich A. *Bakhtin and his theory of Carnival // Cultural History of Humour: From Antiquity to the Present Day* J. Bremmer and H. Roodenburg (Eds.). Cambridge, 1977. P. 54–60.

28. Lesley M., ed. *Reflective Laughter Aspects of Humor in Russian Culture*. London, Anthev Press, 2004 – 222 p.

29. Oushakine S. *Laughter under Socialism: Exposing the Ocular in Soviet Jocularity*. *Slavic Review*. Vol. 70. No. 2 (Summer 2011). P. 247–255. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.academia.edu/1526293/_Red_Laughter_On_Refined_Weapons_of_Soviet_Jesters

30. *Russian Sense of Humor*. Russian Soviet humor. Russian jokes and anecdotes [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.russian-women.net/russian_sense_of_humor.shtml

ДО ПИТАННЯ ПРО СПЕЦИФІКУ РАДЯНСЬКОЇ СМІХОВОЇ КУЛЬТУРИ

Столяр М.Б.

Здійснено філософсько-антропологічний та культурологічний аналіз радянської сміхової культури з точки зору кріпторелігійної концепції. Доведено, що в контексті цієї методології радянська сміхова культура постає як профанація профанації, тобто як десакарлізація ідеології, що сформувалася на основі запозичених нумінозних сенсів. Проаналізовано основні парадигми радянської сміхової культури, що сформувалися в результаті подвійної профанації. Уточнено зміст титанічної та десакарлізованої християнської парадигм сміхової культури на прикладі таких форм сміху як розіграш, кінокомедія, цирк, філософська іронія.

Ключові слова: радянська сміхова культура, кріпто-релігійна методологія, профанація профанації, ієрофанія, сакральне, титанізм, розіграш, тоталітарні практики.

ABOUT THE SPECIFICS OF THE SOVIET LAUGHTER-CULTURE

Stolyar M. B.

The author defines the specifics of the Soviet laughter-culture from the crypto-religious methodological position. It is this paradigm that enables us to understand the Soviet laughter-culture as an assemblage of various forms of desacralization of the pseudo-sacred ideology. As the Soviet ideology acquired its sacred status by means of profaning the numinous

senses borrowed from different religious traditions, the laughter-culture became a profanation of the already made profanations. The result was a return to the primal numinous senses. The formula of “profanation of profanation” allows us to reveal the hidden religious basis of both the concrete ideologemes and their laughter-culture antipodes. This formula also allows us to the main paradigms of the laughter-culture. These are the Titanic and the Christian paradigms. The former defines the world of circus. It also includes the comedies by G. Alexandrov and L. Gaidai with their belief in the unlimited resources of a human being. The desacralized Christian paradigm embraces the works of E. Schwartz, A. Losev, E. Ryazanov, V. Voinovich and others, who, with various degrees of reflection, interpreted the archetypes of the Transfiguration, the Christmas miracle, the Last Judgment, and also made allusions at prayer, confession etc. The Christian understanding of evil as a form of non-existence is also seen in the practical joke. This laughter-form flourished during the Khrushchov’s “Thaw”, marking the regular practices of victory of laughter over fear.

Keywords: soviet laughter-culture, crypto-religious methodological position, profanation of profanation, hierophany, sacral, practical joke, titanism, totalitarian practices.